

Алексей Кнорре, Кирилл Титаев

Преступность и виктимизация в России

Результаты всероссийского виктимизационного опроса

аналитический обзор

Институт проблем правоприменения (The Institute for the Rule of Law) создан в 2009 году в составе Европейского Университета в Санкт-Петербурге. Миссия ИПП – содействие судебной реформе и утверждению принципа верховенства права в России. Направления деятельности – проведение научных исследований, публикации и доведение до сведения широкой общественности их результатов, инициация общественных дебатов, выработка стратегических рекомендаций для всех заинтересованных сторон, включая тех, кто принимает решения, а также развитие обучающих программ. Деятельность института поддерживается Сбербанком, Фондом Кудрина по поддержке гражданских инициатив, Российским научным фондом и Европейским университетом в Санкт-Петербурге.

Европейский Университет в Санкт-Петербурге (ЕУСПб) был учрежден в 1994 году и начал свою работу как обучающая аспирантура по социальным наукам в 1996 году. Благодаря высокому профессионализму и уникальному научному потенциалу Европейский университет приобрел репутацию одного из самых динамичных и современных образовательных учреждений страны.

Контакты:

Санкт-Петербург, ул. Гагаринская 6/1,
Научно-исследовательский центр
«Институт проблем правоприменения»
Тел.: (812) 386 76 12
E-mail: ipp@eu.spb.ru
www.enforce.spb.ru

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

Аналитический обзор посвящен изучению преступности и жертв преступлений, а также работы полиции в России. Данные представлены на основании первого в России репрезентативного виктимизационного опроса (более 16 800 опрошенных, в том числе 3001 жертва преступлений). В ходе опроса респонденты подробно отвечали, жертвами каких преступлений они были, в каких обстоятельствах совершалось преступление, как они вели себя после преступления и какова была реакция полиции.

Виктимизационные опросы позволяют объективно оценить уровень преступности, поскольку полицейская статистика не только подвержена искажениям, но и не отражает тех преступлений, по поводу которых граждане в полицию не обращались. До сих пор такие исследования в России проводились на сверхмалых нерепрезентативных выборках либо собирали очень мало информации (обычно только сведения о самом факте виктимизации).

Результаты опросов далеко не всегда позволяют говорить о преступлениях в уголовно-правовом смысле этого слова. Человек может оценивать как преступление то, что не является таковым с точки зрения закона либо не имеет доказуемого состава преступления. Поэтому в анализе группируются преступления, в которых со слов респондента выделяются четкие криминообразующие признаки – материальный или физический ущерб, угрозы имуществу или угрозы насилием. В 75% происшествий были признаки, которые позволяли отнести их к понятным группам преступлений. Это не значит, что каждое из событий содержало доказуемый состав преступления, но именно эти события должны быть в фокусе государственной политики по контролю преступности, так как указывают, какие посягательства на права и свободы граждане считают незаконными. Одновременно с этим, данные о реальном уровне обращений в полицию и об оценке ее работы по итогам обращения позволяют более адекватно оценить работу полиции, чем абстрактные вопросы о доверии, которые задаются всем гражданам.

Содержательно исследование позволяет сделать несколько главных выводов.

В год в России происходит порядка 12,9 млн событий, которые граждане оценивают как преступления. Среди них около 9,7 млн имеют признаки, которые допускают наличие состава преступления. О примерно половине этих событий граждане сообщают в правоохранительные органы, но, с точки зрения граждан, лишь по половине сообщений возбуждаются уголовные дела. До суда доходит примерно треть сообщений о преступлениях из числа тех, по которым было возбуждено уголовное дело, или одна шестая из тех, о которых граждане сообщили, или одно из двенадцати совершенных.

Среди преступлений доминируют кражи и обычные мошенничества (по 20% от всех преступлений). Велика роль мошенничеств с использованием телефона или интернета – еще 14% сверх обычных мошенничеств. Доля насильственных преступлений невелика: жертвами насилия стало менее 12% всех жертв.

Более половины преступлений совершается в домах или в непосредственной близости от дома. В общественных местах или организациях происходит еще 40% преступлений. Нападения чаще совершаются в темное время суток, мошенничества – в светлое, для других преступлений распределение по времени суток примерно равное. Примерно половина преступлений происходит в присутствии свидетелей. Оружие (холодное или огнестрельное) в преступлениях используется сравнительно редко (чуть более 2% от всех преступлений и менее 20% от преступлений, включавших насилие).

Объектом преступного посягательства в имущественных преступлениях чаще всего становятся наличные деньги или, в случае удаленных мошенничеств, безналичные денежные средства. На втором месте – техника и электроника. Половина преступлений, в которых зафиксирован материальный ущерб, связаны с ущербом менее 5000 рублей. Наиболее высок медианный ущерб для обычных мошенничеств (15 000 руб.), наименьший – у мошенничеств удаленных (5000 руб.). Кражи и грабежи связаны с медианным ущербом на сумму 11-12 тысяч руб. Общий прямой материальный ущерб от преступлений (совокупная стоимость похищенного или поврежденного имущества физических лиц) в России по самой консервативной оценке превышает 400 млрд руб. в год.

Те преступники, которых видели жертвы, чаще всего были мужчинами (более 80%). В случае насильственных преступлений более половины из них находилось, по оценке респондентов, в состоянии алкогольного опьянения. Четверть преступников, по словам жертв, действовали в группе. Около трети всех преступников были знакомыми жертв, что говорит об очень высоком уровне концентрации преступности в определенных социальных средах.

Существенных отличий жертв по социально-экономическому статусу от не-жертв не зафиксировано. Однако вероятность стать жертвой насильственного преступления несколько выше у молодого мужчины, мошенничества – у женщины более зрелого возраста.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Методология и данные	6
Преступность.....	9
Место и время совершения преступления.....	13
Место преступления.....	13
Наличие свидетелей	15
Время преступления	16
Ущерб от преступлений	17
Физический ущерб	17
Материальный ущерб.....	18
Преступники	21
Жертвы преступлений.....	24
Социально-экономический статус.....	24
Доход.....	25
Возраст и пол	27
Обращение в правоохранительные органы	28

МЕТОДОЛОГИЯ И ДАННЫЕ

Обзор представляет основные результаты первого всероссийского виктимизационного опроса, проведенного Институтом проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге по заказу АНО «Интерцентр»¹. Цели опроса: выявить количество преступлений и жертв этих преступлений в России, определить социально-демографические характеристики жертв, описать структуру реальной преступности, рассмотреть количество обращений граждан в полицию и реакцию полиции.

Опрос проводился по технологии CATI (телефонное интервью с использованием компьютера). Использовались мобильные и домашние номера. Данная технология не является общепринятой для виктимизационных опросов², однако в российских условиях, с учетом массовых фальсификаций на уровне интервьюера³ в ходе личных интервью, такой подход представлялся более разумным.

Применялась простая случайная выборка. Отбор прекращался по достижению 3000 интервью с жертвами преступлений. Всего было опрошено 16 818 человек, в том числе 3001 жертва. Определенной доле не-жертв (3500 человек) был задан тот же комплекс демографических вопросов, что и жертвам, остальным – вопросы о поле, возрасте и населенном пункте. Опрос охватил более 75 регионов и более 3200 населенных пунктов.

Использованные методы позволили достичь высокого уровня репрезентативности. Так, структура распределения по городу/селу отличается в выборке от истинной менее чем на 5%, что может быть объяснено маятниковой миграцией и меньшей телефонизацией села. Распределение по половозрастным группам также незначительно отличается от распределения в генеральной совокупности (табл. 1).

¹ Сбор данных и разработка инструментария проводились в рамках договора на выполнение научно-исследовательской работы по теме «Разработка методологии и проведение всероссийского репрезентативного виктимизационного опроса».

² Подробнее можно увидеть: Веркеев А., Волков В. и др. Как изучать жертв преступлений // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены (в печати).

³ Rogozin D. M., Ipatova A. A. Насколько разумна наша вера в результаты «бумажных» квартирных опросов? М. : Raduga, 2015.

Таблица 1. Половозрастное распределение в выборке и в населении старше 18 лет⁴

Возраст, годы	Мужчины			Женщины			Всего		
	Население, %	Выборка, %	Разница, п.п.	Население, %	Выборка, %	Разница, п.п.	Население, %	Выборка, %	Разница, п.п.
18–24	4,6	5,5	0,9	4,4	5,0	0,6	9,0	10,5	1,5
25–34	10,5	12,8	2,3	10,3	12,2	1,9	20,8	25,0	4,1
35–44	9,0	10,4	1,4	9,4	10,5	1,0	18,4	20,8	2,4
45–54	7,7	7,3	-0,4	8,6	9,2	0,6	16,3	16,5	0,2
55–64	7,6	5,7	-1,9	10,1	10,1	0,0	17,7	15,8	-1,9
65+	5,8	3,1	-2,7	12,0	8,3	-3,7	17,8	11,4	-6,4
Всего	45,1	44,7	-0,4	54,9	55,3	0,4	100,0	100,0	Н/Д

Некоторый перекоп в сторону более молодого населения объясняется меньшей доступностью для телефонного интервью более старших групп, которая объясняется некоторыми сложностями в пользовании телефоном и ограничениями по здоровью. Аналогичное смещение – в сторону более образованных – можно наблюдать при анализе данных об уровне образования (табл. 2).

Таблица 2. Уровень образования в выборке и в населении старше 18 лет⁵

Образование	Население, %	Выборка, %	Разница, п.п.
Высшее	26,7	37,2	10,5
Незаконченное высшее	2,9	4,8	1,9
Среднее специальное / профессиональное	41,6	37,2	-4,4
Полное среднее	17,7	15,2	-2,5
Общее среднее	8,0	5,2	-2,8
Начальное и менее	3,1	0,4	-2,7

Все это вместе позволяет говорить о том, что опрос репрезентативен для коммуникативно-активного населения России.

Как и обычно, опросными методами менее достижимы представители маргинализованных слоев, что, как показывают исследования ⁶, криминологически важно для тяжких насильственных преступлений. Однако вклад тяжкого насилия в общий объем преступности слишком скромнен, чтобы

⁴ Сведения о населении приведены по данным: Демографический ежегодник России 2017 : статистический сборник / М. : Росстат, 2017. С. 20.

⁵ Сведения о населении приведены по данным 2015 года. Источник: Российский статистический ежегодник 2017: статистический сборник / М. : Росстат, 2017. Стр. 179.

⁶ Титаев К. Жертвы тяжкого насилия в России. СПб. : ЕУ СПб, 2018.

эту проблему можно было изучать опросными методами. Для остальных же видов преступности это смещение не принципиально.

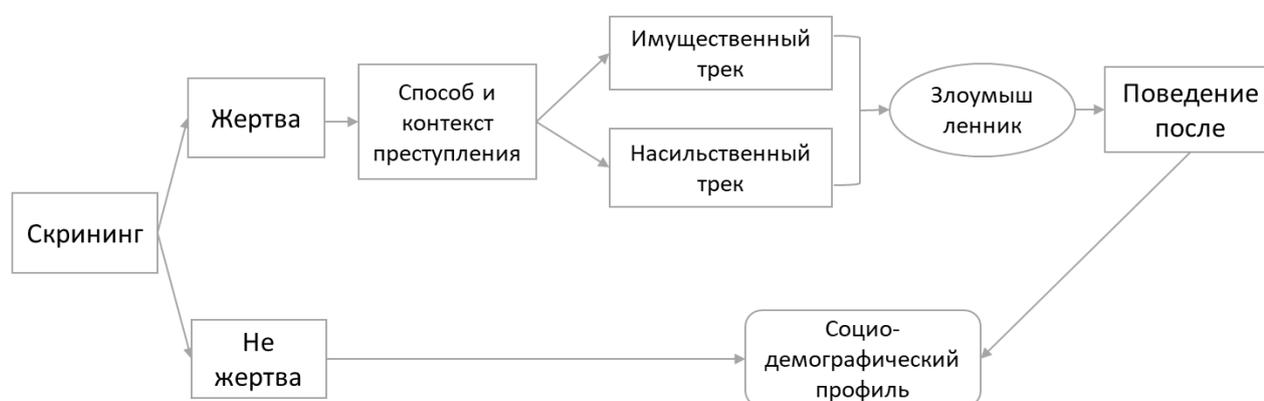
Опрос проводился в марте – мае 2018 года. Проведению опроса предшествовали глубинные интервью и два пилотажа анкеты – на 30 и на 100 наблюдений.

В ходе опроса респондент последовательно проходил отдельные блоки вопросов (рис. 1), в зависимости от того, был ли он жертвой преступления и каков был характер преступления.

Кроме вопросов о преступлении и ущербе, задавались вопросы о преступнике, об обращении в полицию и результатах такого обращения.

Вопросы задавались о количестве преступлений за последние 5 лет и 12 месяцев; детально респондентов опрашивали о самом последнем по времени преступлении.

Рисунок 1. Тематическая схема анкеты

Везде, где это возможно, вопросы формулировались в виде простых дихотомий: «был ли имущественный ущерб», «были ли вы жертвой насилия» и т. д. Этот выбор был продиктован необходимостью уйти от повседневных классификаций – в русском языке они плохо передают правовые и криминологические категории. Человек может сказать «меня ограбили», имея в виду и кражу, и грабеж, и мошенничество.

Категории преступлений потом формировались через сопоставление различных криминообразующих признаков (например, имуществом завладел другой человек, жертва не видела преступника, но при этом не считает, что имел место обман, – это кража).

В сумме такой подход позволяет комплексно увидеть картину преступности в России, структуру жертв и практику работы полиции по тем фактам преступлений, о которых полиции стало известно.

ПРЕСТУПНОСТЬ

Главный вопрос, на который позволяют ответить данные виктимизационных опросов, – это вопрос о реальном масштабе и структуре преступности. Для оценки валидности полученных данных необходимо соотнести их с официальной статистикой.

Из 16 818 опрошенных 1288 человек (7,66%) заявили, что были жертвами преступлений за последний год, 3001 человек – о том, что были жертвами за последние пять лет. При этом из тех, кто был жертвой за последние 12 месяцев, 416 опрошенных (32,2%) сообщили, что были жертвами неоднократно. Это позволяет оценить общее количество преступлений. Мы вели подсчет с условием, что адекватно оценивали ситуацию те респонденты, которые обозначили количество повторных преступлений как 9 и менее, а те, кто указал 10 и более (42 наблюдения), скорее риторически подчеркивали частотность преступлений, чем называли реальное число (так, один респондент назвал 4 тысячи повторно совершенных преступлений). Итого, количество преступлений составило 1862 на 16 818 опрошенных. Если мы экстраполируем эту цифру на все взрослое население страны, то получим 12,9 млн преступлений против совершеннолетних в год.

Однако далеко не все опрошенные адекватно оценивают ситуацию именно как преступление, не все обращались в полицию и т. д. Поэтому необходимо соотнести данные с более устойчивыми характеристиками. Такой характеристикой может быть направление дела в суд. Из числа преступлений, о которых заявляли респонденты, до суда дошли 600 тысяч дел. Мы соотнесли это количество с данными аналитического массива статкарточек формы 1⁷ (на преступление) и получили сопоставимое число преступлений, совершенных в год в России, имеющих потерпевшего – физическое лицо и дошедших до судебной стадии. Таким образом, можно говорить о том, что представленные опросные данные соотносятся с данными официальной криминальной статистики.

Итак, общее количество событий, которые граждане считают преступлениями, – порядка 13 млн в год. Однако, как и во всем мире, сами по себе данные виктимизационных опросов не могут быть прямо истолкованы ни в терминах уголовного права, ни в терминах криминологии. Представления граждан о том, что является, а что не является преступлением (и даже правонарушением), не всегда совпадают с теми рамками, которые задает Уголовный кодекс. Чтобы преодолеть эту проблему, мы задавали респондентам прямые вопросы, которые выявляли наличие того или иного криминообразующего признака. Это позволило сгруппировать происшествия в категории преступлений (далее преступлением мы будем называть событие, которое респондент обозначил как преступление и в котором присутствует не менее одного криминообразующего признака).

⁷ Подробнее об этом массиве см., например: Кнорре А., Скугаревский Д. Как МВД и ФСКН борются с наркотиками: сравнительный анализ результативности двух ведомств : аналитическая записка / под ред. М. Шклярук. СПб., 2015. (Серия «Аналитические записки по проблемам правоприменения»). Там рассматривается ситуация на 2013–2014 годы, однако статистика общего количества дел в судах за этот период изменилась не столь значительно, чтобы предполагать существенные расхождения по сравнению с 2017 годом.

Выяснилось, что для 19% наблюдений нет достаточной информации, чтобы отнести его к той или иной категории преступлений (табл. 3).

Таблица 3. Типы преступлений

	<i>Частота</i>	<i>Процент</i>
Нападение	195	6
Угрозы	209	7
Грабеж и разбой	301	10
Кража	606	20
Мошенничество	556	19
Удаленное мошенничество	417	14
Прочее	138	5
Недостаточно информации	579	19
Всего	3001	100

Иными словами, сочетание признаков происшествия не позволяет определить его как конкретное преступление. Это не значит, что такое происшествие обязательно не являлось преступлением. Наши метрики не учитывали преступления, не связанные с нанесением физического или материального ущерба или угрозами нанесения такого ущерба. Например, не учитывались оскорбления представителя власти или покушения на мошенничество, которые не нанесли никакого ущерба.

Можно спросить: в чем, в таком случае, смысл предлагаемого исследования? В том, что мы получаем детальную информацию, какие именно посягательства на их права расцениваются гражданами как преступные и на что именно посягает правонарушитель. Это является важнейшим криминологическим фактом, поскольку описывает мир правонарушений с позиций граждан. Именно это должно быть основанием для государственной политики в сфере контроля преступности. Нужно понимать, какие события происходят с людьми, что именно расценивается ими как преступления и какие характеристики эти «преступления» имеют. И если к масштабу преступности в целом можно задавать много вопросов, то объем декларируемой гражданами преступности по категориям является намного более адекватным показателем.

Для дальнейшего анализа необходимо показать, на какие категории мы разбили преступления, совершавшиеся в отношении граждан, на какие признаки мы опирались и что за этим стоит. На основании анализа мы выделили следующие категории.

Нападение – это события, в ходе которых, по словам граждан, к ним было применено физическое насилие, но материального ущерба не возникало. Проще говоря – это все чисто насильственные преступления, где сам гражданин не усматривал дополнительного корыстного мотива преступника. Понятно, что некоторые из этих событий, в силу незначительности полученных повреждений, не могут быть отнесены к категории преступлений в терминах уголовного кодекса, однако более 40% жертв нападения сообщали, что в результате нападения нуждались в медицинской помощи, а еще 25% –

что получили те или иные телесные повреждения, но в медицинской помощи не нуждались. Если соотносить это с популяцией совершеннолетних жителей РФ (это относится и ко всем остальным численным оценкам), то мы можем говорить о 750–800 тысячах нападений в год.

Угрозы – это события, в ходе которых, по словам граждан, имели место угрозы насилем или повреждением имущества, но не имели места ни физическое насилие, ни нанесение ущерба собственности. В целом в нашем анализе действует близкий уголовному праву принцип поглощения меньшего события большим. Так, если респондент сообщал, что имели место угрозы повреждением имущества и насилие, то преступление фиксировалось как более тяжкое, чем угрозы (нападение, грабеж/разбой). Еще раз подчеркнем, что категоризация производилась не самим респондентом и не интервьюером, а исследователями – в зависимости от ответов респондента на простые вопросы о наличии тех или иных криминообразующих признаков. Мы можем говорить о 850–950 тысячах преступлений, связанных с угрозами, в стране в год.

Грабеж и разбой – это преступления, связанные с явным хищением чужого имущества или его повреждением. То есть это преступления, в которых жертва видела преступника и получила материальный ущерб. В эту категорию попадают как преступления, связанные с насилием и угрозой его применения, так и ненасильственные действия, приведшие к завладению чужим имуществом или его повреждению. Понятно, что в эту категорию попадают события, в которых повреждение имущества не было прямым умыслом преступника (например, если в ходе нападения была порвана куртка), однако классифицировать такие происшествия без работы с аудиозаписями интервью сложно. Итого, в этой категории оказываются все явные посягательства, приведшие к тому или иному материальному ущербу. Таких событий в России происходит ежегодно 1 250–1 350 тысяч.

Кража – это преступление, в котором человек получил материальный ущерб, уверен, что объектом посягательства завладел другой человек, но при этом не контактировал с преступником ни лично, ни по телефону. Важно отметить, что посягательства, которые были связаны с материальным ущербом, но где респондент не считал, что имуществом именно завладели (поджог, например), в эту категорию не попадали. Это одна из самых устойчивых (точно определенных в соответствии с Уголовным кодексом РФ) категорий и одна из самых многочисленных. В год наблюдается около 2,48–2,68 млн таких событий. Однако заметим, что сюда же попадают и мелкие хищения. Более 80% респондентов назвали ущерб на сумму более 2500 руб. Остальные затруднились или назвали меньший ущерб. При этом нельзя забывать, что порог в 2500 руб. действует только для ч. 1 ст. 158 УК РФ – то есть для кражи, не связанной с проникновением в жилище, не являющейся карманной и т. д. Таким образом, большая часть наблюдаемых событий может быть отнесена именно к категории краж в уголовно-правовом смысле.

Мошенничество – это события, которые респондент обозначил как преступление и при этом сообщил, что ему был нанесен материальный ущерб и одновременно он стал жертвой обмана или злоупотребления доверием. Это тоже довольно консистентная категория,

однако нами она была разделена на две части. Собственно мошенничества (2,35–2,45 млн в год) – это события, произошедшие при очном контакте с мошенником.

Удаленные мошенничества – это те же события, но произошедшие при контакте с мошенником через телефон или интернет. Их наблюдается 1,7-1,9 миллионов в год.

Прочее – в эту категорию определены события, в которых были те или иные признаки преступления, однако эти события не попадали в одну из вышеперечисленных категорий. Например, не было угроз насилия, человек получил материальный ущерб, но при этом не видел преступника и не считает, что имуществом завладел другой человек. То есть это не кража, не грабеж/разбой и не нападение. Мошенничеством это тоже нельзя считать, так как респондент не сообщил, что был обманут или введен в заблуждение. А категория «Недостаточно информации» не подходит, так как респондент считает, что ущерб все же был.

Подводя итог, отметим, что предлагаемая классификация не отражает статистику преступности, какой она должна отражаться в криминальной статистике, – это индивидуальные оценки людьми своего опыта. Но эти оценки показывают, посягательства на какие права и свободы волнуют граждан. Именно на этой информации должна строиться уголовная политика. Наиболее массовыми посягательствами являются мошенничества и кражи, при этом стоит отметить очень большое число мошенничеств, совершенных через телефон или интернет.

МЕСТО И ВРЕМЯ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Место преступления

Треть всех преступлений (32%) была совершена через интернет или телефон – то есть была удаленной по своей природе (табл. 4). Среди очных происшествий чаще всего местом преступления было жилое помещение – квартира, дом или дача (22%), причем принадлежащая не только жертве, но также ее родственникам или знакомым. Вторыми по частоте являются открытые места – улица, дорога, парковка, парки и природные пространства (16%). На третьем месте находятся здания публичных организаций: магазины, кафе, банки и т. п. (11%). Относительно немного преступлений было совершено на территории работы или учебы (6%), а также в подъездах и во дворах (6%). В личном автомобиле или такси, на транспорте (автобус, поезд, самолет) и на территории, связанной с транспортом инфраструктуры (вокзалы, аэропорты, остановки), произошло 5% всех преступлений, о которых сообщили респонденты.

Таблица 4. Место совершения преступления

	<i>Частота</i>	<i>Процент</i>
Квартира, дом, дача (в т. ч. в гостях)	645	22
На улице, дороге, парковке, на природе	494	16
Общественные здания (магазины, кафе, банки, поликлиники)	340	11
На работе, учебе, в закрытых учреждениях	169	6
В подъезде или во дворе	167	6
На транспорте (в автомобиле, поезде, на вокзале)	149	5
Невозможно сказать (напр., украли деньги с банковской карты)	969	32
Затрудняюсь ответить / не помню	68	2
Всего	3001	100

Таблица 5 показывает соотношение места преступления и типа преступления (в ячейках указаны проценты, суммирующиеся по колонкам). Это позволяет увидеть профили преступлений по местам, в которых они чаще всего совершаются.

Для нападений характерно то, что они происходят преимущественно на улице (50%), дома (23%), а также в промежуточном месте – в подъезде и во дворе (15%). Угрозы либо не имеют привязки к месту совершения (то есть использовался телефон или интернет – 46%), либо происходили дома (18%) и на улице (19%). Корыстно-насильственные преступления – грабеж и разбой – тяготеют к открытым пространствам, где совершается треть таких преступлений (32%), однако четверть их совершается дома (24%). Кражи происходят преимущественно дома (35%), на улице (17%) и в общественных местах (14%). Жертвами мошенничества люди становятся дома (30%) и в общественных местах (25%).

Таблица 5. Место совершения и типы преступлений

Место совершения преступления	Грабеж и				Мошенничество, %	Удаленное		Прочее, %	Недостаточно информации, %
	Нападение, %	Угрозы, %	разбой, %	Кража, %		мошеннич ество, %			
Квартира, дом, дача (в т. ч. в гостях)	23	18	24	35	30	0	24	13	
На улице, дороге, парковке, на природе	50	19	32	17	13	0	19	10	
Общественные здания (магазины, кафе, банки, поликлиники)	7	5	17	14	25	0	5	6	
На работе, учебе, в закрытых учреждениях	2	5	6	6	14	0	4	3	
В подъезде или во дворе	15	5	9	10	2	0	15	2	
На транспорте (в автомобиле, поезде, на вокзале)	1	0	7	15	4	0	3	1	
Невозможно сказать (напр., украли деньги с банковской карты)	1	46	2 ⁸	2	6	100	28	63	
Затрудняюсь ответить / не помню	1	2	3	1	6	0	2	2	
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	

Жертвам задавался отдельный вопрос о том, где они находились, если само преступление было совершено по телефону или через интернет (табл. 6). В двух из трех таких преступлений жертва находилась дома, в 17% – на работе или учебе.

В целом криминогенность различных пространств предсказуема. Однако важно заметить, что подтверждается показанное ранее тяготение преступности в России к жилым помещениям и сравнительно меньшая и специфическая криминогенность общественных пространств.

⁸ Это связано с коммуникативными ошибками на уровне респондента и интервьюера. Этот вопрос для грабежа / разбоя не предполагал варианта «невозможно сказать», однако в редких случаях такие ситуации возникали.

Таблица 6. Местонахождение жертв во время удаленного преступления (посредством телефона/интернета)

	<i>Частота</i>	<i>Процент</i>
Квартира, дом, дача (в т. ч. в гостях)	606	68
На улице, дороге, парковке, на природе	56	6
Общественные здания (магазины, кафе, банки, поликлиники)	21	2
На работе, учебе, в закрытых учреждениях	149	17
В подъезде или во дворе	4	0
На транспорте (в автомобиле, поезде, на вокзале)	18	2
Затрудняюсь ответить / не помню	49	5
Всего	903	100

Наличие свидетелей

Согласно полученным ответам (табл. 7), чаще всего рядом с пострадавшим присутствовали другие люди при угрозах – 67%, корыстно-насильственных преступлениях – 61% и мошенничестве – 61%. Удивительно много свидетелей демонстрирует кража – 47%. По всей видимости, это объясняется тем, что респондент в ситуации кражи считает моментом совершения преступления момент его обнаружения.

Таблица 7. Был ли кто-то рядом во время совершения преступления?

<i>Тип преступления</i>	<i>Доля жертв, рядом с которыми во время преступления были другие люди, %</i>
Нападение	59
Угрозы	67
Грабеж и разбой	61
Кража	47
Мошенничество	61
Удаленное мошенничество	53
Прочее	41
Недостаточно информации	49
Всего по всем преступлениям	54

Время преступления

Респондентов спрашивали, в какое время суток – светлое или темное – было совершено преступление. Такая приблизительность легко объяснима: вероятность того, что респондент помнит точное время, невысока. Кроме того, если бы мы спрашивали о точном времени, пришлось бы делать поправку на регион и время года, чтобы понять, было ли в этот момент светло. Наконец, для понимания характера преступности наличие или отсутствие дневного света важнее, чем точное время суток.

В таблице 8 приведены процентные соотношения преступлений, совершенных в разное время суток, с типами преступлений. В темное время суток совершается больше всего насильственных преступлений: нападений и грабежей/разбоев (58 и 48% соответственно). Мошенничества – как очные, так и удаленные (73 и 71% соответственно) – обычно происходят днем. Для некоторых типов преступлений респонденты затрудняются ответить на вопрос о времени суток, особенно для краж (10%) и категории «Прочее» (13%).

Таблица 8. Время совершения преступления

Тип преступления	Время суток, %			Всего
	Светлое	Темное	Затрудняюсь ответить	
Нападение	41	58	1	100
Угрозы	56	40	4	100
Грабеж и разбой	49	48	3	100
Кража	48	42	10	100
Мошенничество	73	21	6	100
Удаленное мошенничество	71	24	5	100
Прочее	38	49	13	100
Недостаточно информации	67	29	4	100

УЩЕРБ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Важнейшей характеристикой криминальной обстановки в стране является ущерб, который наносится гражданам в результате преступлений. В данном исследовании мы анализируем материальный и физический ущербы. Нельзя забывать, что в результате преступлений граждане получают также моральный ущерб (и он сам по себе может быть криминообразующим признаком) и ущерб для себя и членов семьи, связанный с самим проживанием виктимного опыта, с потерей чувства защищенности. К сожалению, измерить моральный ущерб и поствиктимные издержки опросными средствами весьма сложно, поэтому в данном исследовании они не фиксировались (у интервьюеров была инструкция, в случае если респондент называет только моральный ущерб, фиксировать отсутствие ущерба).

Физический ущерб

Из опрошенных 11,6% указали, что в отношении них применялось физическое насилие. Эти преступления мы относили либо к нападениям, если респондент не заявлял о материальном ущербе, либо к грабежам/разбоям, если респондент фиксировал одновременно материальный ущерб. Экстраполируя, мы можем сказать, что порядка 1,5 млн взрослых граждан в год становятся жертвами насильственных действий.

Вопросы о физическом ущербе задавались только жертвам насилия (табл. 9). Более 80% из них отмечают, что в результате получили те или иные повреждения: синяки, ссадины или – в 33% случаев – более серьезные повреждения.

Таблица 9. Остались ли следы физического насилия?

	<i>Частота</i>	<i>Процент</i>
Нет	59	17
Да, синяки или ссадины	175	50
Да, более серьезные повреждения	116	33
Всего жертв физического насилия	350	100

Определить тяжесть полученных повреждений на основании слов респондента, как показал пилотный опрос, сложно. Поэтому мы задавали вопросы о необходимости медицинской помощи и обращении за ней тем респондентам, кто сообщил о полученных травмах в результате физического насилия. Из тех, кто получил травмы, 58% отметили, что нуждались в помощи врача. Из этих 58% нуждающихся в медицинской помощи за ней обратились 79%. Итого, 39% от всех жертв насилия (550–600 тысяч человек в год) обращались за помощью в связи с насильственными действиями третьих лиц.

При этом бóльшая часть действий, связанных с насилием, совершается без оружия (табл. 10). Оружие используется в менее чем 20% насильственных преступлений, огнестрельное – в 4%. Можно приблизительно говорить о 50–70 тысячах таких инцидентов по стране в год – менее двух инцидентов на средний регион за средний день.

Таблица 10. Использовалось ли оружие в насильственном преступлении?

<i>(возможен множественный выбор)</i>	<i>Частота</i>	<i>Процент</i>
Огнестрельное оружие или его аналоги	15	4
Холодное оружие (нож или что-то подобное)	53	15
Нет	245	70
Не дали ответа	37	11
Всего жертв, которым задавался вопрос об оружии	350	100

Таким образом, физическое насилие не является массовым в России, но достаточно часто связано с серьезными повреждениями, которые требуют медицинской помощи. Однако совершается насилие обычно без применения оружия, тем более огнестрельного.

Материальный ущерб

В отличие от физического, материальный ущерб – гораздо более частое явление в России. Так, 68% опрошенных сообщили, что в результате преступления получили материальный ущерб, а 59% от всех жертв полагают, что в результате имуществом (в том числе деньгами) завладел другой человек.

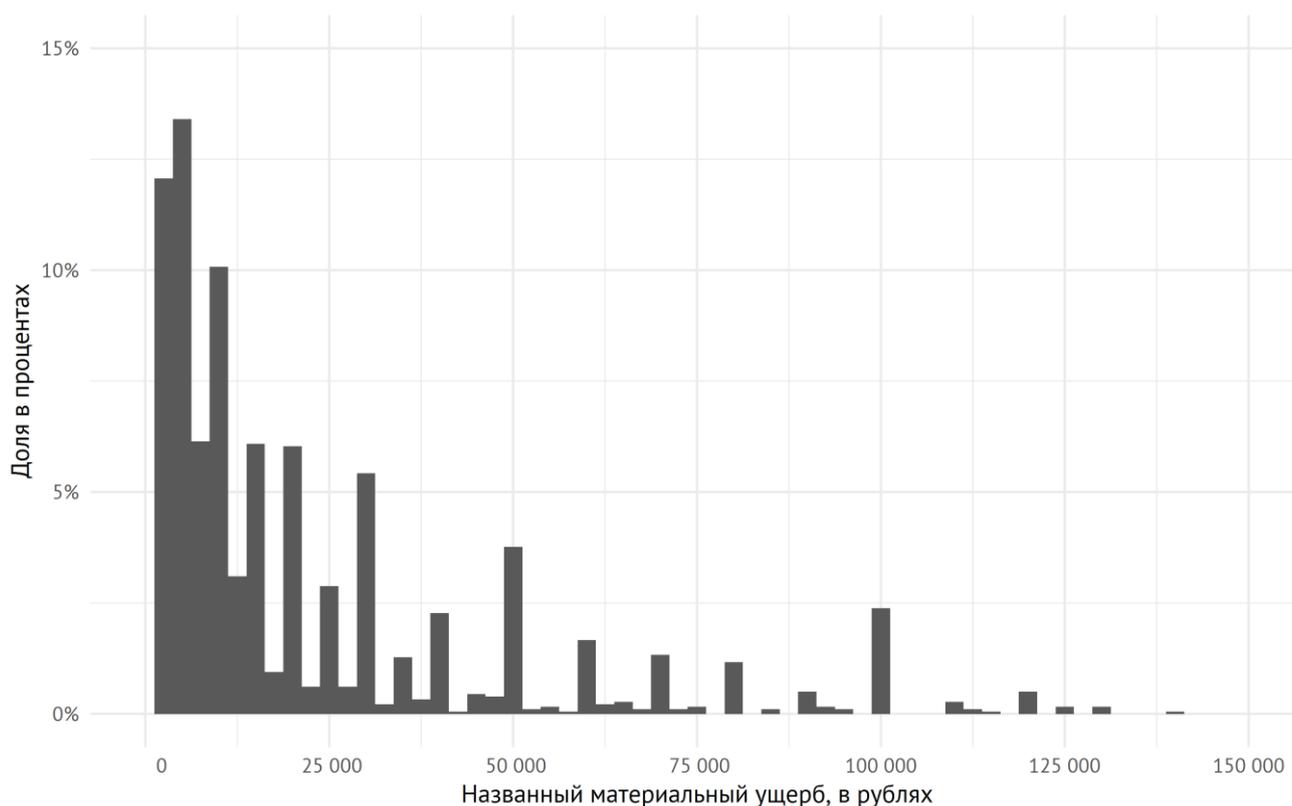
Чаще всего жертвы теряют наличные деньги – об этом сообщают 46% потерпевших материальный ущерб, далее идут техника и безналичные денежные средства – 24 и 18% потерпевших соответственно (табл. 11). При этом не менее чем в четверти случаев жертва в результате преступления лишилась более чем одного типа имущества.

Таблица 11. Объекты имущественного посягательства

	<i>Доля среди жертв, потерпевших материальный ущерб, в целом, %</i>	<i>Доля среди жертв, чьим имуществом завладел другой человек, %</i>
Наличные деньги	46	47
Деньги с карты, счета и т. п.	18	20
Банковские карты и т. п.	5	3
Документы	4	3
Техника (телефон, ноутбук, пылесос, инструменты и т. п.)	24	26
Драгоценности и украшения	6	5
Транспортное средство (угон либо хищение запчастей)	8	6
Недвижимость (квартира, дача, гараж, окна, двери)	6	3
Одежда	7	6

При этом материальный ущерб от типовых преступлений невелик (рис. 2). В половине случаев он не превышает 5000 руб. Самые массовые преступления связаны с ущербом на 0,5–2 тысячи руб. Если мы уберем из анализа все преступления с ущербом свыше 1 млн руб. как нетипичные (что не означает, что таких преступлений нет) и посмотрим на обычные преступления, то получим средний ущерб порядка 50 000 руб.

Рисунок 2. Гистограмма величины материального ущерба⁹

При этом наблюдается интересная разница между преступлениями. Так, наименьший ущерб связан с удаленным мошенничеством (медиана ¹⁰ — 5 000 рублей), наибольший — с простым мошенничеством (медиана — 15 000 рублей), грабеж/разбой и кража не отличаются значимо между собой (медиана 11 и 12 тысяч рублей соответственно).

Отличаются и объекты посягательств. К примеру, очное мошенничество чаще всего посягает на наличные деньги (70%). Удаленное мошенничество тоже, как это ни удивительно, бывает связано с утратой наличных (40%), хотя 56,8% таких преступлений приводит к потере безналичных денежных средств. Кража в 32% случаев связана с утратой наличных и в 44% случаев — техники. Грабеж/разбой посягают на наличность в 50% случаев и в 31% случаев — на технику.

⁹ Ширина столбца равна 2500 руб., медиана составляет 5000 руб. Преступления на сумму свыше 150 000 руб. не показаны.

¹⁰ Медиана — это статистическая мера, показывающая границу между нижней и верхней половиной. Поскольку несколько респондентов называли сверхвысокие размеры ущерба (десятки миллионов рублей, максимум — 6 млрд), среднее арифметическое при таком подсчете будет смещено. Медиана является более корректным инструментом сравнения.

Можно говорить о том, что порядка 8,75 млн человек в год имеют ущерб от тех или иных преступных посягательств. И совокупный размер этого ущерба (только материального, без учета ущерба морального и физического, а также без учета преступлений против юридических лиц, сверхкрупных преступлений и т. д.) превышает 400 млрд руб. ежегодно.

ПРЕСТУПНИКИ

Важная криминологическая информация, которая может быть получена из виктимизационного опроса, – это характеристики преступников. В отличие от официальной статистики, мы фиксируем только те случаи, когда жертва видела преступника, – и при этом можем наблюдать структуру преступности с учетом тех преступлений, о которых жертвы не стали сообщать в полицию.

В целом для разных типов преступлений уровень знаний жертвы о преступнике распределен предсказуемо (табл. 12). Лишь для удаленного мошенничества люди примерно в половине случаев никак не контактировали со злоумышленником. По 10% преступников, которых жертвы не видели в случае нападения или грабежа/разбоя, легко объясняются темным временем суток и подобными условиями.

Важнейшим наблюдением является то, что более чем 30% преступников, осуществивших грабеж/разбой, мошенничество, угрозу, были ранее знакомы с жертвой. Для нападений эта доля достигает и вовсе 40%. Это еще раз подтверждает тезис о том, что в России преступления совершаются внутри одной социальной среды, а не являются агрессией со стороны криминальной субкультуры в отношении других граждан. Исключение составляют лишь удаленные мошенничества, которые совершаются незнакомцами.

Также важно, что высок процент групповых преступлений. Около половины нападений, грабежей и разбоев совершались группой. Более трети мошенничеств или угрозами были реализованы группами. И лишь удаленное мошенничество – относительно индивидуальное преступление, хотя именно в этом случае жертва может с большой вероятностью не знать о существовании группы.

Как и предсказывают криминология и официальная криминальная статистика, преступность – это мужское дело. Лишь для мошенничеств и, в меньшей степени, удаленных мошенничеств доля мужчин несколько ниже.

Кроме того, преступления, связанные с насилием или риском насилия (нападения, грабежи/разбои, угрозы), чаще совершаются злоумышленниками в состоянии алкогольного опьянения. Для мошенничеств эта доля предсказуемо мала.

В качестве злоумышленников респонденты указывали также должностных лиц. Важно понимать, что в данном опросе не было возможности установить, кем точно являлся преступник, поэтому понятие «должностное лицо» трактовалось максимально широко – как человек, который в момент преступления выполнял некоторые профессиональные обязанности. Это мог быть охранник в супермаркете, сотрудник паспортного стола и т. д. Более трети преступников, выступавших в некой официальной роли, совершили мошенничество.

Таблица 12. Характеристики преступников по типам преступлений¹¹

Из них – сколько преступников...

Тип преступления	Сколько жертв видели преступника или разговаривали с ним, %	Из них – сколько преступников...				
		были знакомы с жертвой, %	действовали в одиночку, %	были мужчинами, %	были в состоянии алкогольного опьянения, %	были должностными лицами, %
Нападение	90	41	53	91	67	9
Угрозы	75	31	60	89	36	16
Грабеж и разбой	90	34	50	88	41	10
Мошенничество	67	32	64	64	9	33
Удаленное мошенничество	55	5	73	74	3	17
Прочее	17	33	75	92	33	23
Недостаточно информации	48	11	65	77	11	18

Что касается места преступления, больше половины злоумышленников, знакомых с жертвами, совершают преступления либо в домах, либо по месту работы/учебы потерпевших (табл. 13). Там же – по месту работы/учебы жертв – действуют 48% преступников, исполняющих в момент преступления должностные обязанности. Удивительно, но групповой характер преступления не связан с местом его совершения.

Главные выводы, которые можно здесь зафиксировать, сводятся к подтверждению базовых криминологических трюизмов – преступники преимущественно мужчины, преступления, совершаемые знакомыми, чаще совершаются дома и т. д. Однако есть и несколько важных замечаний, которые нужно учитывать при разработке уголовной политики. По ряду преступлений значительный процент злоумышленников знаком с жертвой, то есть человек должен быть укоренен в соответствующей среде, чтобы стать пострадавшим. И второе важное открытие – то, что значительная часть преступлений совершается группами.

¹¹ Из таблицы убраны кражи, так как в этом случае потерпевший не мог видеть преступника.

Таблица 13. Характеристики преступников по местам преступлений

Место преступления	Количество преступлений	Сколько жертв видели преступника или разговаривали с ним, %	Из них – сколько преступников...				
			были знакомы с жертвой, %	действовали в одиночку, %	были мужчинами, %	были в состоянии алкогольного опьянения, %	были должностными лицами, %
Квартира, дом, дача (в т. ч. в гостях)	645	44	52	67	75	39	13
На улице, дороге, парковке, на природе	494	60	19	48	91	44	10
Общественные здания (магазины, кафе, банки, поликлиники)	340	56	22	54	64	20	31
На работе, учебе, в закрытых учреждениях	169	56	55	62	84	14	48
В подъезде или во дворе	167	44	36	57	86	47	1
На транспорте (в автомобиле, поезде, на вокзале)	149	28	12	60	81	10	7
Невозможно сказать (напр., украли деньги с банковской карты)	969	50	8	72	77	6	20
Затрудняюсь ответить / не помню	68	62	28	52	70	14	30

ЖЕРТВЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Ряд вопросов, касающихся социально-демографического положения, задавался как жертвам, так и части респондентов, отрицательно ответивших на вопрос об опыте виктимизации. Это позволило увидеть, во-первых, как преступность и разные типы преступлений распределены по разным социальным стратам, во-вторых, насколько те или иные социальные страты представлены среди жертв по сравнению с не-жертвами.

Социально-экономический статус

Поскольку каждому респонденту задавался ряд вопросов о её или его социальном положении (тип трудоустройства, получение социальных выплат, учеба в настоящий момент), мы восстановили примерные типы социально-экономического статуса, которые поделили всю выборку жертв примерно на равные части (табл. 14)¹². Выборка не-жертв была разделена таким же образом, но в таблице эти данные не указаны – только сравнение между выборками жертв и не-жертв в процентных пунктах.

Также в таблице видны различия в представленности социально-экономических групп. Парадоксально, но среди жертв меньше пенсионеров, чем среди не-жертв (разница в 6 процентных пунктов); то же самое можно сказать про рабочих. Обратная ситуация с руководителями и студентами – эти граждане, по всей видимости, имеют либо больший риск стать жертвами, либо бóльшую предрасположенность к тому, чтобы рассказывать о своем виктимном опыте.

Таблица 14. Социально-экономический статус жертв

	<i>Процент жертв</i>	<i>Разница с процентом группы того же статуса в выборке не-жертв, п. п.</i>
Руководитель	17	3
Служащий	17	0
Рабочий	18	-3
Студент	10	3
Пенсионер	20	-6
Безработный	18	1
Всего	100	

¹² В руководители попали респонденты, утвердительно ответившие на вопрос о том, руководят ли они на своей работе другими людьми. Служащие – люди, занятые любым нефизическим трудом, рабочие – люди, занятые физическим трудом, студенты – люди, которые учатся в данный момент (безотносительно к работе), пенсионеры – люди, которые получают социальные выплаты и одновременно чей возраст превышает пенсионный возраст для их пола. Все остальные люди, которые не работают и не учатся в данный момент (и не попали в перечисленные категории), помещены в категорию «Безработные» (даже если они получают социальные выплаты от государства).

Перекрытие социально-экономического статуса с типами преступлений позволяет увидеть встречаемость преступлений среди различных социальных страт (табл. 15). Студенты чаще всех становятся жертвами нападений и грабежей/разбоев, реже всех – жертвами мошенничества и удаленного мошенничества. Пенсионеры чаще других оказываются жертвами мошенников.

Таблица 15. Социально-экономический статус жертв по типам преступлений

Статус	Нападение, %	Угрозы, %	Грабеж и разбой, %		Кража, %	Мошенничество, %	Удаленное мошенничество, %		Прочее, %	Недостаточно информации, %	Всего, %
Руководитель	5	7	12	20	19	15	5	17	100		
Служащий	5	8	8	21	18	15	5	20	100		
Рабочий	9	7	11	21	18	14	3	17	100		
Студент	11	6	14	22	14	12	5	18	100		
Пенсионер	3	5	8	20	21	13	5	25	100		
Безработный	8	8	9	19	18	15	4	19	100		

Доход

Помимо социально-экономических статусов, структуру жертв позволяет увидеть разбивка по разным группам дохода. Группы созданы на основе ответов на вопросы о доходе, который ранжируется от самого низкого («Едва сводим концы с концами») до самого высокого («Можем позволить практически все»). Поскольку верхние два показателя («Можем позволить практически все», «Можем позволить автомобиль, но не квартиру») были слишком редкими, особенно для таблиц сопряженности, мы объединили их.

В таблице 16 представлены доходы жертв, сколько жертв с таким доходом представлены по всей выборке и больше ли их в сравнении с не-жертвами, имеющими тот же доход (выборка не-жертв идентично распределена по доходам, но в таблице эти данные не указаны – только сравнение между выборками в процентных пунктах). Поскольку разница не превышает 1–2 процентных пунктов, главное, что позволяет увидеть таблица, – вероятность стать жертвой, по всей видимости, не связана с доходом.

Таблица 16. Доход жертв

	Количество жертв	Процент жертв	Насколько больше жертв по сравнению с не-жертвами в той же группе, в п. п.
Можем позволить практически все + можем позволить только авто	224	7	0
На технику и мебель хватает, на большее денег нет	552	18	1
На продукты и одежду хватает, на технику и мебель нет	1040	35	2
На продукты хватает, на одежду нет	800	27	1
Едва сводим концы с концами, денег не хватает на продукты	294	10	2
Затрудняюсь ответить	91	3	
Всего	3001	100	

Таблица 17 показывает зависимость между частотой разных типов преступлений и благосостоянием опрошенных жертв. Главный и единственный вывод, который позволяет сделать таблица, – такая зависимость отсутствует. Иными словами, вероятность стать жертвой определенного типа преступления слабо связана с доходом.

Таблица 17. Доход жертв по типам преступлений

Доход	Нападение, %	Угрозы, %	Грабеж и разбой, %	Кража, %	Мошенничество, %	Удаленное мошенничество, %	Прочее, %	Недостаточно информации, %	Всего, %
Можем позволить практически все + можем позволить только авто	9	9	10	19	17	14	5	17	100
На технику и мебель хватает, на большее денег нет	7	6	10	24	17	13	5	18	100
На продукты и одежду хватает, на технику и мебель нет	6	5	10	21	18	15	5	20	100
На продукты хватает, на одежду нет	6	7	8	18	21	14	5	21	100
Едва сводим концы с концами, денег не хватает на продукты	5	10	12	16	21	13	3	20	100

Возраст и пол

Мы также рассчитали процентное соотношение жертв и медианный возраст жертвы для каждого типа преступления (табл. 18). Мужчины чаще всего становятся жертвами нападений, угроз и грабежа/разбоя. Жертв-женщин больше в случае удаленного мошенничества (однако меньшая доля мужчин здесь может объясняться и тем, что мужчины склонны не говорить о таком виктимном опыте). От нападений и грабежей/разбоев страдают более молодые, жертвами мошенничества становятся люди старше.

Таблица 18. Возраст и пол жертв по типам преступлений

<i>Тип преступления</i>	<i>Доля мужчин среди жертв, %</i>	<i>Медианный возраст, годы</i>
Нападение	59	33
Угрозы	53	36
Грабеж и разбой	51	35
Кража	45	38
Мошенничество	46	42
Удаленное мошенничество	41	37
Прочее	44	40
Недостаточно информации	42	41

ОБРАЩЕНИЕ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ

Наряду с данными о преступности, виктимизационные опросы позволяют получить информацию о поствиктимном поведении жертв: о том, обращались ли они в правоохранительные органы, как себя, с их точки зрения, вели правоохранительные органы и чем закончилось это обращение.

Мы видим, что бóльшая часть жертв делится с близкими информацией о преступлении, причем практически независимо от вида преступления (табл. 19). А вот в правоохранительные органы обращаются уже существенно реже. Самая низкая доля обращений – у категории «Недостаточно информации» (т.е. у происшествий, для которых не удалось установить ни одного криминообразующего признака), и это подтверждает нашу гипотезу о том, что перед нами события, которые люди субъективно оценивают как преступления, но отстаивать эту мысль не готовы. Одновременно это говорит о том, что граждане примерно понимают, какие происшествия является преступлением с точки зрения правоохранительных органов, а какие нет, и учитывают это в своем поведении. Достаточно редко обращаются в полицию по поводу мошенничеств, особенно удаленных, и угроз. Самая высокая доля обращений – у краж. Это конвенциональное – т.е. очевидное, общепризнанное, понятное всему обществу – преступление, в котором жертва реже, чем в случае с мошенничествами, чувствует себя виноватой (преступление тайное). Так, в случае удаленных мошенничеств с тем, что к преступлению привела их оплошность, соглашаются 75% респондентов, а в случае краж – менее половины (с грабежами/разбоями свою оплошность признают около 40%, с нападениями и угрозами – менее четверти). В целом результаты о частоте обращения в полицию нельзя назвать неожиданными.

Следующим был вопрос о возбуждении уголовного дела (ВУД). Мы призываем относиться к этой информации с осторожностью: респондент мог не знать, что дело возбуждено, или считать, что возбуждено, хотя этого не произошло. Здесь самые низкие шансы у угроз и самые высокие – у краж (поскольку, опять же, это конвенционально понятное преступление). Если мы посмотрим на долю ВУД не по отношению к заявленным кейсам, а по отношению ко всем событиям, то увидим, что самые большие шансы опять у краж – 35% событий становятся уголовными делами, а самые скромные у угроз – 12%. Если экстраполировать данные, увидим, что в год граждане обращаются в правоохранительные органы по поводу примерно 6,1–6,3 млн событий, которые они считают преступлениями, и по поводу 2,7–2,9 млн случаев возбуждаются уголовные дела. Однако в реальности количество ВУД меньше. Это еще раз показывает некоторую ненадежность показателя о ВУД в нашем опросе.

Однако следующий показатель – о доведении до суда – выглядит существенно лучше. Здесь вероятность ошибки респондента меньше. Реже всех доходящими до суда случаями выглядят удаленные мошенничества (17% от ВУД и 3% от всех совершенных) и кражи (30% от ВУД и 10% от совершенных). Разница между удаленными мошенничествами и обычными (44% от ВУД и 8% от совершенных) подтверждает, что первая категория преступлений была правильно выделена в отдельную. В лидерах по прохождению пути от возбуждения дела до суда – нападения (57% от ВУД и 14% от совершенных) и угрозы (44% от ВУД, но лишь 5% от совершенных).

При этом шансов добиться какой-либо компенсации у жертв немного. Этот показатель колеблется от 3% от всех совершенных преступлений для угроз до 9% для грабежей и разбоев, но все равно остается очень низким.

Наконец, от типа преступления фактически не зависит готовность повторно обращаться в полицию (хотя, как показывает предварительный анализ, это зависит от других факторов, но не является предметом рассмотрения данного обзора).

Таблица 19. Поствиктимное поведение

<i>Тип преступления</i>	<i>Частота</i>	<i>Жертва рассказала близким о преступлении, %</i>	<i>Правоохранительные органы узнали о преступлении, %</i>	<i>Когда правоохранительные органы узнали о преступлении, было возбуждено дело, %</i>	<i>В случае возбуждения дела дошли до суда, %</i>	<i>Жертва добилась материальной компенсации, %</i>	<i>Оказавшись в сходной ситуации, жертва снова обратится в полицию, %</i>
Нападение	195	83	55	44	57	4	58
Угрозы	209	84	47	26	44	3	47
Грабеж и разбой	301	88	58	46	40	9	53
Кража	606	94	64	54	30	8	59
Мошенничество	556	92	49	38	44	8	52
Удаленное мошенничество	417	85	41	44	17	4	51
Прочее	138	94	69	57	30	9	67
Недостаточно информации	579	86	25	36	40	3	48
Всего	3001	89	48	45	35	6	53

Кроме формальных переходов между стадиями расследования преступления, существует еще и активность полиции, связанная с тем, как устанавливается виновный (табл. 20). Изначально жертвам были известны преступники (во всяком случае, по мнению жертв) в 26% случаев. В том числе для нападений, угроз, грабежей – более чем в 40% случаев, а для удаленных мошенничеств – в 12% случаев. При обращении жертвы в полицию в 21% случаев преступника установили правоохранительные органы и еще в 10% – сама жертва. При этом для тайных преступлений (краж и дистанционных мошенничеств) роль жертв в установлении личности преступника минимальна (в 2 и 4% случаев соответственно преступника установили жертвы, в 21 и 14% – правоохранительные органы), для нападений, грабежей и мошенничеств роль правоохранительных органов и потерпевших соотносима, а в случае угроз жертвы устанавливают преступника чаще, чем правоохранительные органы.

Удивительно, что даже если преступник, по словам респондента, был установлен, то вероятность наказания – лишь 34%. Только для краж она превышает 50%, а для мошенничеств – немногим больше 20%. Однако важно отметить высокий процент примирений для тех дел, где преступник был установлен. Эта доля не сильно меняется от преступления к преступлению (максимум для нападений – 34% и минимум для мошенничеств – 18%) и составляет 25%.

Таблица 20. Поствиктимное поведение (продолжение)

<i>Тип преступления</i>	<i>Частота</i>	<i>Преступник был известен жертве, %</i>	<i>При обращении жертвы в полицию преступника установили правоохранительные органы, %</i>	<i>При обращении жертвы в полицию преступника установила сама жертва, %</i>	<i>Если преступник был установлен, он был наказан, %</i>	<i>Жертва примирилась с преступником, %</i>
Нападение	195	45	34	18	32	34
Угрозы	209	41	17	22	32	25
Грабеж и разбой	301	43	28	17	33	23
Кража	606	19	21	2	57	25
Мошенничество	556	36	20	16	23	18
Удаленное мошенничество	417	12	14	4	22	22
Прочее	138	25	22	4	49	20
Недостаточно информации	579	14	20	7	38	38
Всего	3001	26	21	10	34	25

Кроме информации из двух разобранных выше таблиц, можно обратиться к некоторым дополнительным сведениям. Так, в 80% случаев в правоохранительные органы обращается сам потерпевший (табл. 21). На удивление мало случаев, когда потерпевший считает, что в правоохранительные органы обратились медицинские организации, хотя формально их вклад должен быть достаточно велик в силу служебных инструкций.

Таблица 21. Кто обратился в правоохранительные органы?

	<i>Частота</i>	<i>Процент</i>
Жертва преступления	1167	81
Знакомые жертвы	179	12
Незнакомые жертве люди	27	2
Медицинские организации	26	2
Другие организации	20	1
Затрудняюсь ответить / не знаю / не помню	29	2
Всего преступлений, в которых было обращение в правоохранительные органы	1448	100

Из всех правоохранительных органов в качестве организации, в которую обращаются жертвы, абсолютно лидирует полиция, а второе место занимает прокуратура (табл. 22).

Таблица 22. В какие правоохранительные органы обращалась жертва?

<i>(возможен множественный выбор)</i>	<i>Частота</i>	<i>Процент</i>
В полицию	1075	92
В прокуратуру	131	11
В Следственный комитет	57	5
Всего жертв, обратившихся в правоохранительные органы	1167	100

Наиболее распространенные способы контакта с полицией – личный визит и телефонный звонок – делят пополам почти 90% обращений (табл. 23). Первичный контакт с участковым относительно редок.

Таблица 23. Как именно жертва сообщила в полицию о преступлении?

	<i>Частота</i>	<i>Процент</i>
Пришла лично в отдел полиции	449	44
По телефону	446	43
Полиция сама приехала	65	6
Обратились к участковому	61	6
Другое	6	1
Всего жертв, сообщивших в полицию	1027	100
Нет ответа	48	

В таблице 24 показано распределение ответов на вопрос, как быстро приехала полиция после вызова. Обращает на себя внимание тот факт, что в половине случаев полиция приезжала в течение получаса, еще в четверти случаев – в течение часа. Но следует заметить, что в одном случае из десяти полиция не приехала вообще.

Таблица 24. Как быстро приехала полиция?

	<i>Частота</i>	<i>Процент</i>
В течение получаса	211	47
В течение 1 часа	108	24
В течение 3 часов	44	10
В течение 6 часов	7	2
В течение 12 часов	12	3
Не приехали	40	9
Затрудняюсь ответить / не помню	22	5
Всего преступлений, когда приехала полиция	444	100
Нет ответа	2	

Что касается контактов с полицией по факту преступления (табл. 25), почти треть потерпевших встречалась с сотрудниками правоохранительных органов лишь однажды и дальше (под влиянием этого опыта или по другим причинам) не встречалась. В четверти случаев все ограничилось двумя контактами.

Таблица 25. Контакты жертвы с полицией

	<i>Частота</i>	<i>Процент</i>
1 контакт	411	31
2 контакта	325	25
От 3 до 7 контактов	484	37
Больше 7 контактов	95	7
Всего контактов жертвы с полицией	1315	100

Наконец, кроме обращения в правоохранительные органы, 20% жертв обращались за помощью к кому-то еще (табл. 26). Чаще всего — к друзьям и знакомым, но также привлекает внимание уровень востребованности юридической помощи. Среди опрошенных обращались за правовой помощью 6% (то есть порядка 750–800 тысяч человек на страну в год). Прямые обращения в суд и к частным лицам остаются относительно редким явлением.

Таблица 26. Куда обращалась жертва за помощью, кроме правоохранительных органов?

<i>(возможен множественный выбор)</i>	<i>Частота</i>	<i>Процент от числа всех жертв</i>
В суд	87	3
К адвокатам, юристам	183	6
К знакомым, близким, друзьям	354	12
К частным лицам (например, к частным охранным структурам)	65	2
Всего жертв, обратившихся куда-то кроме правоохранительных органов	598	20

Подводя итоги, отметим, что в России граждане обращаются в правоохранительные органы менее чем в половине случаев после того, как они стали — по их субъективной оценке — жертвами преступлений. Из этих обращений менее половины приводят к возбуждению уголовного дела и в менее чем трети случаев (от возбужденных дел) дело оказывается в суде — и лишь в трех четвертях от дел в суде злоумышленник получает наказание. Эффективнее всего работа строится с кражами, наиболее сложная ситуация — с угрозами и удаленными мошенничествами. При этом среди правоохранительных органов лидером по количеству обращений (более 90%) является полиция.

ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВООПРЕДЕЛЕНИЯ

Сотрудники

Вадим Волков
научный
руководитель

доктор социологических наук, PhD (Cambridge University), профессор социологии права им. С.А. Муромцева Европейского университета в Санкт-Петербурге, автор книги «Силовое предпринимательство: экономико-социологический анализ» (2005)

Кирилл Титаев

кандидат социологических наук, специалист по эмпирическим исследованиям права и правоприменения

Арина Дмитриева

социолог, экономист, специалист по экономическому анализу права

Мария Шклярчук

юрист, LL.M. (Hamburg), кандидат экономических наук, специалист по проблемам правоохранительной деятельности, сравнительному правоведению

Дмитрий Скугаревский

PhD, экономист, специалист по судебной статистике

Ирина Четверикова

юрист, социолог, специалист по судебной статистике и криминологии

Екатерина Моисеева

кандидат социологических наук, специалист по социологическому анализу рынков и социологии профессий

Тимур Бочаров

юрист, социолог, специалист по гражданскому и арбитражному процессу

Алексей Кнорре

социолог, программист

Владимир Кудрявцев

политолог, специалист по уголовной политике

Денис Савельев

кандидат юридических наук, специалист по информационному праву и интеллектуальным правам

Даря Кузнецова

юрист, специалист в антимонопольном праве и концессионных соглашениях

Руслан Кучаков

экономист, политолог, специалист по контрольно-надзорной деятельности

Административный директор – **Мария Батыгина** Администратор – **Маргарита Михно**

Наши книги

- *Э. Панеях, К. Титаев, М. Шклярчук.* Траектория уголовного дела: институциональный анализ. СПб., 2018. – 476 с.
- *Т. Бочаров, Е. Моисеева.* Быть адвокатом в России: социологическое исследование профессии. СПб., 2016. – 278 с.
- *К. Титаев, М. Шклярчук.* Российский следователь: призвание, профессия, повседневность. М., 2016. – 192 с.
- *В. Волков, А. Дмитриева, М. Поздняков, К. Титаев.* Российские судьи: социологическое исследование профессии. М., 2016. – 272 с.
- Обвинение и оправдание в постсоветской уголовной юстиции. М., 2015. – 320 с.
- Право и правоприменение в зеркале социальных наук: хрестоматия современных текстов. М., 2014. – 568 с.
- По ту сторону права: законодатели, суды и полиция в России. М., 2014. – 331 с.
- Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права. М., 2012. – 368 с.
- Право и правоприменение в России: междисциплинарные исследования. М., 2011. – 317 с.

Наши серии

- Аналитические записки по проблемам правоприменения
- Аналитические обзоры по проблемам правоприменения
- Препринты сотрудников ИПП

Все материалы сотрудников ИПП
Вы всегда можете найти на сайте
www.enforce.spb.ru

